

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Х. А. КИНК

**ДРЕВНЕ-
ЕГИПЕТСКИЙ
ХРАМ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

Ответственный редактор

Ю. Я. ПЕРЕПЕЛКИН

В книге ставится вопрос о том, каким образом древние египтяне, не имея ни железных, ни стальных орудий, ни приспособлений типа блоков и лебедок, более 3000 лет назад смогли воздвигнуть величественные каменные храмы с колоссами, сфинксами, обелисками, украшенные металлом, рельефами и росписями. Описываются также и храмы, вырубленные в скалах.

Подробно рассказывается о технических приспособлениях, орудиях и трудовых приемах древних строителей, благодаря которым они могли добывать и транспортировать огромное количество камня и строительные конструкции весом до нескольких сотен тонн. Особо рассматриваются технические открытия и некоторые строительные «секреты» древних египтян.

К $\frac{30202 - 072}{013(02) - 79}$ 233-79 4902010000

ВВЕДЕНИЕ

Древнеегипетская цивилизация привлекает к себе большое внимание. Это и понятно, поскольку ни одна другая древневосточная страна не оставила после себя так много великолепных памятников архитектуры, скульптуры и живописи, как Египет. Храмы древнего Египта — великие сооружения.

Строительство храмов-исполинов и для самих древних египтян было большим событием. По этому поводу на камне вырезали надписи, в которых подчеркивались огромные размеры и ослепительная роскошь отделки золотом, серебром и ценным камнем. В истории мирового зодчества мало найдется подобных примеров строительства. И в наши дни многие желают поближе познакомиться со строительной техникой древних египтян и обсудить ее «тайны». Однако литература по древнеегипетской технике строительства бедна, а интерес, который она вызывает, огромен.

Сводные труды по истории техники и механики, которые содержат лишь самые общие сведения о замечательных зданиях древних египтян, простоявших тысячелетия, как правило, отмечают, что механика в древнем Египте находилась в зачаточном состоянии [11, с. 7–8]. Само собой разумеется, что такие устойчивые оценки способствуют правильному представлению о технике древних, так как вопросы, касающиеся конкретных технических приспособлений древних строителей, не затрагиваются. Можно лишь сетовать, что многие технические открытия древних мастеров до сих пор не вошли сводные труды по истории техники и механики.

А ведь древние египтяне II и I тысячелетий¹ вели грандиозное строительство. Они воздвигли гигантские сооружения, которые, простояв вот уже более трех [3] тысячелетий, вызывают у нас чувство изумления и восхищения.

Соответствовали ли дерзновенные замыслы древних строителей их техническим возможностям? Как преодолевались технические трудности, которые неизбежно возникали в ходе беспримерного в истории древней архитектуры строительства исполинских зданий? Отсутствие работ по истории строительного дела, естественно, способствует возникновению легенд о существовании у древних египтян высокой техники, позднее утерянной.

О древнеегипетских храмах написано немало монографий и статей [82; 310]. Однако все они описывают в основном архитектурные и художественные особенности строений, а вопросам техники или уделяют очень мало места, или обходят их молчанием. К такой группе работ [7; 57; 189; 299] относится и «Всемирная история архитектуры». Лишь Шуази высказал интересные догадки, касающиеся главным образом транспортировки и подъема больших тяжестей. Но, как будет показано (§§ 18, 20), в этих догадках оказалось много гипотетического, позднее опровергнутого. Скупое описание техники и другие авторы. Перро, Шипье и Бадави [255, с. 525; 46, с. 194; 45, с. 61–63] всего в нескольких строках перечисляют технические приемы древних строителей Египта. Надо ли говорить, что при таком суммарном и кратком изложении даже самые основы древней техники остаются нераскрытыми.

Из всей многочисленной литературы о древнеегипетских храмах можно выделить лишь одну сводную работу, в которой трактуются вопросы строительной техники. Это труд Кларка и Энгельбаха [114]. Они сделали много интересных наблюдений, но основное внимание уделили таким вопросам, как разработка камня, его обработка, кладка из камня. Другие не менее важные проблемы или вовсе не затронуты, или о них говорится очень бегло. К тому же за 40 лет, которые истекли со времени выхода в свет упомянутого труда, велись археологические исследования (например, в поминальных храмах Рамсеса II и Рамсеса III в Западных Фивах), в результате которых наука обогатилась новыми, очень существенными фактами, дающими материал для дальнейших суждений о древнеегипетском строительном деле.

¹ Дальше в тексте слова «до н. э.» будут опущены, поскольку речь пойдет о строительстве храмов, относящихся только ко времени II и I тысячелетий до н. э.

В 1940 г. вышла в свет книга «Очерки по истории [4] техники Древнего Востока» [22, с. 170–232], в которой разделы о строительном деле, ремеслах и транспорте написаны И. М. Лурье. Работа отличается краткостью изложения и охватывает промежуток времени более трех тысяч лет. И. М. Лурье привел самые общие данные о строительстве храмов времени Нового царства и о материалах, применявшихся при их сооружении. Однако многие вопросы он обошел молчанием.

Отчеты об археологических исследованиях изданы как в виде монографий, так и отдельных статей, в которых нередко приводятся очень важные и существенные замечания о работе древних строителей. Ведь сами древнеегипетские тексты почти ничего не говорят о приемах работы, и лишь немногие изображения позволяют сделать кое-какие заключения о них, а также о способах транспортировки тяжестей. Общая же картина строительного дела в древнем Египте может быть воссоздана лишь при изучении и восстановлении самих архитектурных памятников. Поэтому особенно важными являются наблюдения Лейбурна, Даресси, Пийэ, Шейриэ, Хольнера, Борхардта, Гойона и других, обследовавших и реставрировавших храмы в Фивах и в других местах. Но этот весьма ценный для нас материал оказался разбросанным по многочисленным, не всегда к тому же доступным изданиям, из которых его нередко приходится собирать буквально по крупицам.

Перед автором данной работы стояла задача — дать наиболее полные сведения по египетской строительной технике, описать систему работы древних мастеров, не забыть при этом об эволюции строительной техники, на которую, к сожалению, до сих пор почти не обращали внимания. Все это, в свою очередь, позволило по-новому осветить некоторые вопросы строительного дела древних египтян.

Поскольку в центре нашего внимания находились храмы периода Нового царства, XVIII, XIX и XX династий, то хронологические рамки данной работы ограничены временем XVI–XII вв. Однако для сравнения и для обоснования выводов привлечены данные по истории техники Старого и Среднего царств, а также Позднего времени (период после Нового царства). Ведь традиции в технике эпохи Нового царства — продолжение традиций в технике предшествующих эпох. [5]

Наше решение изучать храмы обусловлено тем, что они являлись самыми значительными постройками времени Нового царства, так же как пирамиды для III тысячелетия. Чтобы справиться с титанической работой по сооружению храмов, строители должны были использовать самые эффективные приемы работы и технические приспособления.

Пробелы в наших знаниях по древнеегипетской технике отчасти объясняются и тем, что многие древние архитектурные памятники исчезли с лица земли прежде, чем они были изучены. Поэтому и сегодня еще невозможно ответить на многие вопросы.

* * *

Самые большие и великолепные храмы были сооружены в Египте при правителях XVIII–XX династий, что соответствует и двум эпохам расцвета храмового строительства. Со времени правления XVIII династии начинается период больших завоеваний. При Тутмосе I египтяне достигли на севере Евфрата, а на юге у третьих порогов при Тутмосе III была заложена основа мирового могущества Египта. Только в Переднюю Азию этот фараон совершил 17 походов, причем каждый раз в Египет привозили много золота, серебра, бронзы и других ценностей и пригоняли большое число пленных, которых использовали и на строительстве храмов. Аменхотеп III осуществил всего один поход в Нубию. 37-летнее правление этого фараона было временем наибольшего величия Египта. Его царствование ознаменовалось великолепными сооружениями — III пилон в Карнаке, Луксорский храм Амона, поминальный храм, храм Птаха в Мемфисе² и в Нубии.

² Мемфис, расположенный к югу от Каира, как древняя столица Египта, играл значительную роль и в эпоху Нового царства. Достаточно сказать, что некоторые фараоны имели там свои резиденции. Помимо дворцов город славился храмами. Самым грандиозным из них по праву считается святилище бога Птаха.

Однако во времена царствования Аменхотепа III в Передней Азии произошли события, имевшие очень важные последствия для Египта. Хетты разбили царство Митанни и в середине XIV в. захватили Сирию, которая до того подчинялась Египту. [6]

Правление Аменхотепа IV (Эхнатона) было в основном мирным. Большое строительство, которое вел Аменхотеп IV [храм Амона-Атона в Карнаке, новый город Амарна (Ахетатон) с огромными храмами], могло быть осуществлено лишь за счет богатств, накопленных его предшественниками в период 200-летних войн.

Последние правители XVIII династии с трудом удерживали часть прежних азиатских владений, а их строительная деятельность была относительно скромной, если не считать Хоремхеба, оставившего после себя несколько больших сооружений. Однако, как будет показано ниже, это строительство велось за счет систематического разрушения некоторых архитектурных памятников предшествующего времени [25, с. 18–19]. Проводились при них и реставрационные работы.

При фараонах XIX династии Египет добился контроля над значительной частью территории в Передней Азии, которая некогда была у него. Военные успехи Сети I и войны его сына Рамсеса II привели к восстановлению и сохранению могущества страны. Опять накапливаются богатства, необходимые для осуществления больших строительных планов.

При Сети I и Рамсесе II храмы сооружались более крупными по размерам и более великолепными по отделке. Достаточно упомянуть об огромном ипостиле храма Амона в Фивах (см. § 1). Значительное строительство наблюдалось и в Абидосе. Особенно большого размаха храмовое строительство достигло при Рамсесе II. При нем осуществлялись грандиозные строительные проекты.

Стройка шла по всему Египту и Нубии. Были произведены дополнительные работы в храме Амона в Карнаке, значительно расширен храм в Луксоре, перед которым воздвигли два обелиска, один из них стоит на площади Согласия в Париже.

Особое внимание Рамсес II уделил украшению своей столицы в Дельте — Танисе, где также были построены огромные храмы. Аллея перед одним из них была украшена 24 обелисками. В Нубии при нем выбили в скалах шесть храмов, из которых самым великолепным является храм в Абу Симбеле (см. § 3). Строили и в Мемфисе, где сохранились его колоссы, о которых речь пойдет ниже. [7]

Однако этот период расцвета был недолгим. Могущество страны клонилось к упадку. Возрастало число внешних врагов. При Рамсесе III (XX династия) страна отставала на севере свои границы от переселявшихся «морских» народов и ливийцев [27, табл. 76].

С прекращением побед уменьшился приток богатств. При преемниках Рамсеса III страна беднела, и строительство почти полностью прекратилось. Лишь при XXII (ливийской) династии оно возобновилось. В Карнаке были сооружены красивые портики в первом дворе храма Амона. Ни XXV династия (эфиопская), ни XXVI династия (саисская) в Фивах почти не оставили значительных построек, если не считать киоска Тахарки (см. ниже). Здания саисской династии на севере Египта почти полностью погибли.

Последнее крупное строительство в Египте наблюдалось в IV в. Фараоны XXX династии вели необычайно активную внешнюю политику и находили силы не только для ведения длительной борьбы с персами, но и для организации строительства. При них из руин были восстановлены многие древние храмы и поставлены новые, в том числе и храм Исиды в Дельте.

После захвата Египта Александром Македонским, в эллинистическую эпоху (332 г. до н. э. — 30-е годы до н. э.) тоже сооружались храмы. Некоторые из них были очень велики, например в Дендере (в 60 км к северу от Фив, в Эсне — примерно в 60 км к югу от Фив, в Эдфу, в Эль-Кабе и на о-ве Филе — малом острове, расположенном к югу от Асуана). Все эти храмы построены на тысячу лет позднее святилищ времени Нового царства. Они строились уже при других условиях, и мы коснемся их лишь мимоходом.

Итак, те храмы, о которых пойдет речь в предлагаемой работе, были построены за неполных четыре века, с середины XVI в. до начала XII в. [8]

§ 1. БОЛЬШОЙ ХРАМ АМОНА

Далеко на юге Египта, в 740 км от Каира был расположен древний город Фивы. Египтяне называли его «Уасет» или просто «Город» (Нут). Первые упоминания о нем известны с конца III тысячелетия, но особенное развитие город получил в период Нового царства, после изгнания из Египта гиксосов, когда на несколько веков Фивы стали великолепной столицей Египта.

Город раскинулся по обоим берегам Нила. На правом (восточном) берегу находится Карнак с группой храмов. В его центре стоит храм Амона, к северу от него расположен храм бога Монта, а к югу — святилище богини Мут, которая, согласно египетской мифологии, была супругой бога Амона. Южный квартал Фив — это Луксор, где расположен храм Аменхотепа III, также посвященный Амону.

Часть Фив, раскинувшаяся на западном берегу реки, — город мертвых. В долине длинной вереницей параллельно реке тянутся поминальные храмы правителей Египта. Своим великолепием и размерами некоторые из них могли соперничать с городскими храмами, расположенными на восточном берегу. Далее к западу от них в невысоких горах скрыт некрополь, состоящий из скальных гробниц.

Попасть в храм Амона можно было по каналу длиной в несколько сот метров (300), идущему от Нила на восток. Затем поднимались по ступенькам вверх и оказывались на пристани (см. § 15), в начале широкой дороги, которую по-гречески называют дромосом.

С обеих сторон эту дорогу обступали каменные бараноголовые сфинксы трехметровой длины³. Их было более 120. Расположившись на высоких пьедесталах, застыв в такой позе, что кажется, будто каждую минуту готовы вскочить, они как бы охраняли вход. Между [9] передними лапами чудовищ — по фигурке фараона Рамсеса II (в виде бога Осириса), творца этой аллеи.

Великолепная мощенная камнем дорога (см. § 13) вела в величественный, залитый солнцем двор, раскинувшийся по правую и левую сторону от входа. Почти квадратный (103 × 84 м), он был украшен по коротким сторонам красивыми портиками (неширокими ходами с колоннадой под крышей).

С запада двор ограничен пилоном — двумя высокими башнями в форме усеченной пирамиды, обрамляющими вход (см. § 8)⁴. В центре двора на главной оси при эфиопском царе Тахарке была поставлена колоннада, изменившая его вид. Это были стройные гигантские колонны с верхним завершением в виде огромных чаш папируса [25, с. 10]. Крыши у этой постройки, называемой киоском, не было, но столбы, поставленные в два параллельных ряда по пять в каждом, соединялись легкими простенками, четыре из которых имели проход по одному с каждой стороны. По сравнению с колоннами простенки были невысокие (около 3 м), достигая уровня верхнего завершения рельефных листьев, украшающих всю нижнюю часть каменных папирусов. Колоннада Тахарки заняла большую часть площади двора (29 × 20 м), поэтому пришлось несколько бараноголовых сфинксов, ранее стоявших там, отодвинуть в сторону, к северному портику, чтобы освободить место, так как в праздники было великое стечение народа.

Колоннада Тахарки стояла на пересечении дорог, ведущих от первого пилона в глубь храма. Через киоск шли дромос и поперечная дорога в сравнительно небольшой, длиной всего 52 м, храм Рамсеса III. [10]

³ Овн был проявлением бога Амона.

⁴ Храм Амона ориентирован с запада на восток, т. е. перпендикулярно Нилу. Во времена после Нового царства восточную часть канала засыпали, пристань перенесли ближе к Нилу и на освобожденном пространстве разбили упомянутый нами двор, а перед ним, с запада, возможно в эллинистическое время (IV–I вв.), начали постройку этого самого большого, так и оставшегося недостроенным первого пилона.

Время начала строительства первого пилона точно не установлено. Исследователи разошлись во мнениях. Лейбурн полагал, что постройку начал Шешонк (XXII династия) [210, с. 52], а Хольшер, Шерриэ и Нимс относят ее ко времени Птолемея [77, с. 60–61]. Лоффрей [202, с. 110] считает, что доводы Лейбурна нельзя оставлять без внимания. Очевидно, окончательное решение можно будет принять после определения по радиоуглеродному методу (C¹⁴).

В левой части двора стоит еще небольшой храм Сети II. В восточной стене двора находится вход в глубь храма. Он начинался уже на террасе. Миновав вход во втором пилонае, попадали в большой колонный зал — ипостиль. Он отличается от всех последующих залов храма своими грандиозными размерами (103 × 52 м).

Ипостиль храма Амона превосходит все привычные размеры. Чтобы представить, как он огромен, надо сравнить его с ипостильями других храмов времени Нового царства. Известный нам большой зал поминального храма Эйе-Хоремхеба (54 × 59 м) уступает по размерам ипостилью храма Амона в два раза [179, с. 78]. Площадь ипостилей других храмов еще меньше. Великолепный зал с колоннами в святилище Луксора занимает площадь всего 1040 кв. м (52 × 20 м) [26, с. 17]. То же можно сказать и об ипостильях заупокойного храма Сети I в Абидосе (их два — 52 × 11.5 м и 52 × 16 м), а залы в поминальном храме Рамсеса III в Мединет Абу (см. § 2) просто тесные.

Весь ипостиль храма Амона заполнен колоннами. Общее их количество 134. Они представляют собой 16 длинных рядов, идущих через весь ипостиль с севера на юг, а с запада на восток ведет центральная аллея шириной 6 м. Зал построен симметрично, каждая половина его имеет по 67 колонн, расположенных с запада на восток в 9 параллельных линий. Центральная аллея состоит из 12 колонн, поставленных в два ряда. Это 21-метровой высоты колонны диаметром 3.57 м; остальные 122 колонны высотой 13 м, а диаметром всего 2 м.

Эти 12 колонн ипостиля — самые высокие из тех, которые были когда-либо воздвигнуты в древнем Египте. Все известные нам каменные столбы уступают им. В храме Исиды (Дельта) они приблизительно равны 10 м, а в Дендере (эллинистическое время) — 14.5 м. Для сравнения можно вспомнить, что колонны во всемирно известном храме Афины — Парфеноне имеют высоту всего 10.43 м!

Центральную аллею колонн пересекает поперечная аллея (с юга на север) шириной 3.5 м. Она соединяет два входа (южный и северный) ипостиля [210, с. 159].

Колонны оформлены в виде папируса, высокие мощные стебли которого тянутся вверх. Они достигают нежной синевы потолка. В центральной части потолка [11] ипостиля нарисованы коршуны с распростертыми крыльями, а на потолке боковых нефов, вероятно, были нанесены неподвижно сверкающие желтые пятиконечные звезды [210, с. 188].

Многочисленные колонны придают сооружению суровость, которую смягчает лишь яркая роспись. Цветок (капитель), стебель (ствол) и цоколь колонны расписаны. Тонкие линии, очерчивающие и листья у основания и лепестки цветка, подчеркивают все изящество растения.

Ипостиль — базилика; его центральная часть более высокая, а боковые нефы — ниже⁵. Крыша над центральным нефом находится на высоте 24 м от земли, а кровля над боковыми частями ниже на 10 м. Таким образом, окна центрального и боковых нефов создавали двойное освещение центральной аллеи. Свет, льющийся сверху из окон (§ 14) на колонны-цветы, давал возможность видеть все великолепие зала. Гигантские каменные папирусы-колонны центральной аллеи с открытыми чашами-капителями получали двойную струю солнечного света, падающего сверху.

Стены ипостиля и колонны сплошь покрыты рельефами. Древние мастера уверенно вырезали на камне большие картины, состоящие из религиозных сцен, на которых представлены цари и боги. Свободное от картин пространство испещрено иероглифическими надписями. Красивые иероглифы-картинки исполнены столь тщательно, что сами являются украшениями.

По балкам-архитравам тянутся рельефные фризy, состоящие главным образом из царских имен. Все они ярко раскрашены. В ипостиле преобладают желтая и голубая краски [210, с. 188]. Часть таких рельефных сцен покрыта еще и золотом [195, с. 248] (см. § 17).

Внешние стороны стен колонного зала заполнены рельефными изображениями, но они,

⁵ Базилика, столь распространенная в древнеримской архитектуре, появилась в египетской архитектуре еще при XVIII династии, т. е. на пятнадцать веков раньше [48, с. 179; 70, с. 135].

в отличие от внутренних, на исторические темы. На северной стене ипостилья представлены сцены борьбы Сети I в Сирии и Палестине. Царь стоит на боевой колеснице один, без воинов и сражается против неприятеля. Он стреляет из мощного лука и поражает врагов стрелами. Картина [12] полна напряжения, которое передается и в мчащихся конях и в их шеях, изогнутых дугой. Недаром красоту движений коней сравнивают с полетом птиц. Батальные сцены составляют колоссальные композиции, в центре которых находится фигура царя. Огромные панно на внешних сторонах стен, как и на внутренних, были отделаны золотом [195, с. 247; см. § 17].

На южной стене ипостилья изображена борьба Рамсеса II с хеттами, а на стене, соединяющей ипостиль с VII пилоном, вырезан исторический текст — копия договора Египта с хеттами, заключенного в середине XIII в. (см. ниже). Аналогичные батальные сцены — битвы при Кадеше (на р. Оронт) — представлены и в других храмах Рамсеса II (во втором дворе заупокойного храма, называемого Рамессеумом, в Луксоре и Абу Симбеле). Все эти рельефы также сплошь расписаны.

Ипостиль храма Амона заключен между двумя пилонами. Во времена правления Аменхотепа III этот храм начинался у III пилона, а первого и второго пилонов и двора между ними тогда еще не было⁶.

Третий пилон был воздвигнут во времена Аменхотепа III [270, с. 143], а при его сыне Аменхотепе IV устроили при входе в него еще вестибюль [284, с. 193].

Перед III пилоном возвышались восемь гигантских мачт. Древние египтяне, чтобы подчеркнуть высоту флагштоков, говорили, что они вонзали свое острие в небо. Они были окрашены в красный и желтый цвета и отделаны металлом. Верх мачты, одетый металлом, блестел в ярких лучах солнца. К верхушкам были, кроме того, прикреплены разноцветные полосы ткани. Подобные мачты могли знаменовать святость места, где они стояли.

За III пилоном находился двор глубиной в несколько десятков метров. При выходе из III пилона и при входе в следующий, IV пилон располагались по два обелиска⁷ (Тутмоса I и Тутмоса III). Острия этих каменных «игл»-монолитов тянулись вверх и кончались [13] на высоте свыше 20 м. Металлические их верхушки сияли. Верх двух обелисков (пирамидионов) Тутмоса I был покрыт электроном (см. § 17); стволы испещрены иероглифическими надписями, прославляющими фараона, поставившего их. Благодаря стройности и симметричности расположения эти «иглы», как и мачты, являлись великолепным украшением храма.

Из помещений, находившихся за IV–VI пилонами, наиболее замечательными были «зал папирусных колонн», построенный при Тутмосе I, позднее перестроенный, и два «зала анналов» Тутмоса III. Фараон Тутмос III не только перестроил и расширил «зал папирусных колонн», воздвигнутый при его деде, но и заменил кедровые столбы каменными и даже не пожалел золота на их украшение. Колонны в этом зале сверху донизу были отделаны золотом. Два обелиска царицы Хатшепсут (высотой около 30 м), которые стояли по обе стороны от входа в «зал папирусных колонн», по повелению фараона «одели» кирпичной стеной. Тутмосу III ненавистна была даже память о царице, оттеснившей его на долгие годы от управления страной.

За V пилоном, воздвигнутым при Тутмосе I, располагались камеры для ладьи Амона и другие помещения, построенные при царице Хатшепсут и перестроенные при Тутмосе III. Камеры были отделаны кварцитом и гранитом. Посередине центрального помещения находилось возвышение, на которое ставили ладью, изготовленную из ливанского кедра и украшенную золотом, электроном и драгоценными камнями. На носу и корме имелось по изображению головы овна — манифестацией бога Амона.

На протяжении XVIII–XX династий размер священной ладьи постепенно увеличивался,

⁶ История сооружения храма Амона в Карнаке чрезвычайно сложна, и далеко не все ясно из-за многократных перестроек. Поэтому мы ограничимся описанием его в самых общих чертах [см. также 304, с. 135; 25, с. 7–12, планы на с. 6–7, 11].

⁷ Древние греки называли эти монолиты обелисками, что в переводе означает «игла».

и во времена Рамсеса III она имела длину 68 м, а ширину 2 м. Естественно, помещение для нее было длинное. Ладьи играли большую роль в культуре египетской религии.

В глубине каждого храма (обычно в правой части) отводилось помещение для божницы с идолом бога, которому посвящен храм. В связи с многочисленными перестройками в храме Амона сооружались новые камеры — святая святых⁸. Одна из них находилась за камерой для ладьи Амона. [14]

Божницы изготавливались как из камня, так и из дерева (чаще всего из дорогой кедровой или эбеновой древесины). Они при этом сохраняли форму древнейшего египетского святилища, которое делалось из плетенок и по своему внешнему виду напоминало шкаф.

Божницу украшали позолотой (см. § 17), инкрустацией и драгоценными камнями [300, с. 164]. Тутмос III подарил храму в Дер эль-Бахри эбеновую божницу, дверцы которой были богато отделаны художественной резьбой [237, с. 1]. Иногда деревянную божницу вставляли в каменный футляр такой же формы, но большего размера [123, с. 102–104].

В рассматриваемом нами храме Амона было обнаружено несколько каменных божниц. Недалеко от Юбилейного храма Тутмоса III, где во времена Среднего царства находилась камера для идола, нашли внушительных размеров божницу в виде черного гранитного монолита высотой 2 м. Цоколем же для него служил светлый алебастровый блок размером 1 × 2 м со специальным углублением для установки гранитного монолита [263, с. 155]. Божница из алебастра находилась за Юбилейным храмом на территории храма Рамсеса II (см. ниже).

Вокруг камер для ладьи Амона и божницы находилось множество больших и малых помещений, в которых совершались церемонии, связанные с культом (см. ниже).

В храме Амона были сосредоточены огромные богатства, в том числе благовония, косметические средства, привозившиеся издалека, «одежда бога», всевозможные платы, шкуры пантер, сосуды из дорогих материалов и орудия, необходимые для совершения культа [42, с. 78–79]. Все это хранилось в ларях, в особых камерах-сокровищницах. Известно, что Тутмос III подарил храму Амона много таких деревянных ящичков, богато украшенных золотом, серебром и резьбой [296, с. 179–181].

Обычно вход в эти камеры стремились устроить с «секретом» (см. § 14)⁹. В эллинистическое время камеры [15] укрывали в толщах стен [49, с. 255–256, 362; 32, с. 144], под полом, в подземельях, делались даже двойные коридоры, высотой в человеческий рост, не соединявшиеся между собой [189, с. 137].

Отдельное помещение отводили и для алтаря, на который клали жертвоприношения. Оно представляло собой Т-образное каменное сооружение, на боковых сторонах которого имелись ярко раскрашенные рельефы¹⁰. В святилище Амона подобная камера находилась в правой половине здания, за VI пилоном [69, с. 18]. Кроме алтаря в храме были и жертвенные столы на подставке (высотой до 1 м) для цветов, всевозможных яств, овощей¹¹.

При храме Амона имелось особое заведение, которое по-древнеегипетски называлось «Домом жизни», где переписывали религиозные книги, изучали математику, медицину и т. п.¹².

В храме было много книг-папирусов, которые держали в особых помещениях [74, с. 43–44; 311, с. 54–59].

⁸ В тех храмах, где почиталось несколько божеств, количество камер, называемых в науке святая святых, было больше.

⁹ В свое время думали, что «секретные» комнаты в храмах появились впервые в эллинистическое время ([189, с. 139]. Однако, как показали раскопки 1930–1950 гг., они были и в храмах Нового и Среднего царств [217, с. 100].

¹⁰ В храме Хатшепсут (Дер эль-Бахри) он был сложен из белого камня, а четырехугольная его площадка равнялась 19 кв. м. Пологий спуск с него насчитывал 10 ступеней [236 с. 7 25 табл. VIII].

¹¹ В храмах Атона в Амарне общее количество их достигало 1600 [43, с. 65–66]. Полагают, что там снабжать ежедневно все указанные жертвенники свежими продуктами (мясом и дичью) было очень затруднительно. По мнению Бадави, на каждый такой столик клали продукты лишь один раз в год [164, с. 73–79]. Но правильно ли это предположение — вопрос другой.

¹² Школа писцов была и при храме Мут, находившемся в нескольких сотнях метров от храма Амона [17, с. 30].

В правление Тутмоса III был поставлен и VI пилон, более узкий, чем все подобного рода сооружения храма Амона. Он украшен рельефами с изображениями фараона, побеждающего врагов, и символически представленными покоренными местностями, в том числе и городом Мегиддо.

Далее размещались два зала анналов, получивших такое название из-за исторических надписей, главным образом победных, которыми покрыты их стены. При входе в первый зал, позднее перестроенный, расположены два 9-метровых четырехугольного поперечного сечения гранитных столба [255, с. 548]. Они поставлены в 46-м году правления Тутмоса III и предназначались для [16] поддержки крыши зала [54, с. 130]. На одной из сторон каждой гранитной колонны вырезано изящное растение, символизирующее Верхний и Нижний Египет. Остальные стороны заполнены рельефными сценами, где видим царя Тутмоса III с богом Амоном.

К востоку от вышерассмотренных строений Тутмоса III находилась самая древняя часть храма Амона, построенная еще во времена Среднего царства. В настоящее время это двор размером около 40 кв. м, а за ним — Юбилейный храм Тутмоса III [54, с. 153]. Самым примечательным в этом храме, построенном из песчаника, было большое помещение длиной 44 м, называемое иногда «залом для праздников» (фестивальным) или церемониальным залом, в котором имелось четыре ряда колонн. Два ряда колонн, на которых покоится центральный неф, очень своеобразны по форме и нигде больше в древнеегипетской архитектуре не встречаются. Дело в том, что их диаметр увеличивается кверху. Поэтому столбы кажутся как бы перевернутыми [57, с. 108–109; 197, с. 388]. По оформлению они похожи на деревянные столбы, применявшиеся для легких беседок. Полагают, что Тутмос III пожелал отпраздновать свой юбилей в каменном здании, напоминающем легкое строение, в котором проводили такой же праздник фараоны в более древние времена. Значение праздников, называемых юбилеями, выходило далеко за пределы того смысла, который вкладывается нами в это слово. Юбилей был связан с ритуалами, имеющими чрезвычайно важное значение для дальнейшего царствования фараонов [54, с. 285–287].

На южной стороне зала вырезана огромная, длиной 24 м надпись, повествующая о победоносном походе Тутмоса III в Переднюю Азию и о взятии города Мегиддо [150, с. 6–9]. Среди малых покоев, расположенных вокруг зала, особое место занимает камера, называемая «ботаническим садом». На рельефах ее стен изображены растения и животные, которых египтяне видели во время своих походов в Переднюю Азию. Здесь же находился зал для заупокойной службы по предкам Тутмоса III (4, с. 309).

У восточного конца храма Амона некогда была еще пара гигантских обелисков Хатшепсут, установленных в начале ее царствования. К сожалению, они бесследно [17] исчезли, если не считать пирамидиона одного из них, хранящегося в Каирском музее, и нескольких обломков. Судя по солидным основаниям, они лишь немногим уступали по размерам обелиску Тутмоса III, находившемуся тут же неподалеку. Это был самый большой из известных нам обелисков. Его высота первоначально равнялась 33 м, а длина каждой стороны нижнего основания — 3 м.

История этого памятника очень интересна. Он был вырезан в гранитном карьере Асуана и доставлен в Фивы еще при жизни Тутмоса III. Далее, как гласит надпись на нем, камень «в течение 35 лет находился в руках мастеров». Полагают, что иероглифические знаки на нем были сделаны еще при сыне Тутмоса III Аменхотепе II, а завершили всю работу лишь при его внуке Тутмосе IV. В научной литературе данному памятнику уделено значительно большее место по сравнению с другими обелисками. Объясняется это тем, что все поиски в течение более века парного с ним обелиска не привели к сколько-нибудь удовлетворительному результату. Загадка оставалась нерешенной до тех пор, пока не обратились к тексту на «игле». При тщательном изучении надписи выяснилось, что обелиск был с самого начала поставлен один.

Много споров вызвал и вопрос о месте его первоначальной установки. Лишь в 50-х годах нашего века археологам удалось доказать, что по замыслу фараона Тутмоса III обелиск

должен был стоять за Юбилейным храмом. Там была обнаружена очень большая база со сторонами длиной 6.3 м каждая. Позднее, однако, он оказался во дворе между V и VI пилонами по главной оси храма Амона, где тоже нашли огромную базу из песчаниковых блоков. Потом она служила цоколем для священной ладьи Амона (см. выше) [53, с. 271; 71, с. 251; 206, с. 593]. Именно отсюда из двора между V и VI пилонами около 330 г. н. э. по желанию императора Константина I (Великого) римляне взяли эту «иглу» и доставили по Нилу в Александрию. Для дальнейшей перевозки камня по Средиземному морю пришлось построить и спустить на воду огромную трирему, рассчитанную на 300 гребцов. После благополучного прибытия корабля с обелиском в Рим он был установлен в середине IV в. н. э. на «хребте» Большого цирка. Впоследствии [18] он, как и большинство древнеегипетских и римских обелисков в Риме, упал, разбился на три куска и пролежал в земле вплоть до конца XVI в., когда по приказу папы Сикста V известный инженер-механик эпохи Возрождения Доменико Фонтана установил его перед церковью Сан Джованни ин Латерано, где он высится и в наши дни.

За Юбилейным храмом Тутмоса III находятся небольшие храмовые сооружения времени Рамсеса II и XXX династии.

На южной оси, идущей под углом к главной оси храма, рассмотренного нами, стоят другие четыре пилона (VII–X), поставленные один за другим по одной линии. Из двора, который заключен между III и IV пилонами (см. выше), начинался ход, который вел к этим пилонам. При Тутмосе III в храме Амона был поставлен VII пилон. Во дворе, который находился между ним и главным зданием храма, нашли много фрагментов статуй времени Среднего царства. Это дало основание допустить, что двор существовал уже в эпоху Среднего царства, а на месте более древнего сооружения — входа при Тутмосе III был построен VII пилон. Он песчаниковый, а 13-метровой высоты портал сложен из огромных гранитных блоков (см. § 14).

История сооружения VIII пилона до сих пор точно неизвестна. Большинство исследователей считает, что он был построен при Хатшепсут, а при Тутмосе III перестроен. По сравнению с другими подобного рода сооружениями этот пилон примечателен количеством царских статуй-колоссов, поставленных около него. IX и X пилоны построены при фараоне Хoremхебе (XVIII династия).

Рассматриваемые пилоны украшены рельефами, чаще всего изображающими блистательные победы фараонов и пленение врагов. На VII пилоне мы видим мощную фигуру фараона Тутмоса III, побивающего азиатов. Левой рукой он держит за волосы их головы, а правой рукой заносит над ними оружие.

Перед пилонами нередко ставили большие каменные плиты с рельефными изображениями и текстами. Среди большого количества дошедших до нас такого рода плит известна замечательная стела Аменхотепа III. Она стояла перед VII пилоном и возвещала о победах этого фараона. Размер ее 3 × 2.1 м, а высота иероглифов [19] текста, вырезанного на ней, равнялась 9 см. Подобные стелы с надписями, содержащими рассказы о победах или об украшении храмов, известны и от времени Тутмоса III, Хатшепсут, Сети I и др. [210, с. 150; 208, с. 126–127].

Перед некоторыми монументальными входами, как уже отмечалось, стояли обелиски. В древности в [20] Карнаке этих памятников было значительно больше. В настоящее же время их сохранилось очень мало. История многих монолитов-obeliskов очень интересна (см. Прил.). Одни из них были вывезены из Египта, в результате чего оказались разбросанными по свету. О существовании других исчезнувших памятников мы узнаем из письменных источников и из скудных находок археологических экспедиций (обломки обелисков и остатки их фундаментов). Например, перед киоском Тахарки некогда стояли две невысокие «иглы», а из двух «игл», украшавших VII пилон, одна ныне стоит в Стамбуле.

Рассматривая храм Амона, мы нарушили хронологический принцип, так как начали свой рассказ о сооружениях более позднего времени — I пилона. В самом сжатом виде история Карнакского храма Амона такова. При правителях XII династии был построен

небольшой храм (ныне там двор, см. выше). Четыре века спустя при первых фараонах XVIII династии этот храм стали окружать большими сооружениями. Аменхотеп I построил свой храм, позднее разрушенный, Тутмос I и Хатшепсут продолжали начатую традицию, частично при этом разбирая древние строения. При последующих фараонах строительство неизбежно должно было приблизиться к Нилу, т. е. на запад от сооружений времени Среднего царства. После возведения (при Аменхотепе III) III пилона позднейшим правителям (Хоремхебу, Сети I и Рамсесу II) пришлось строить уже перед этим пилоном. Затем был воздвигнут величественный ипостиль, перед которым Рамсес II, в свою очередь, велел поставить пилон, ныне называемый нами вторым. Далее при Сети II в первом дворе был построен его малый храм, а при Рамсесе III к югу от первого двора воздвигли его святилище. При XXII (ливийской) династии устроили во дворе портик, а при XXV династии (Тахарке) установили знаменитые колонны киоска. Еще несколькими веками позднее, возможно при Птолемеях, двор замкнули с запада первым пилоном.

Рассмотренная нами группа зданий, находящихся на территории от I пилона до камер для ладьи Амона и его божницы, представляет собой в плане прямоугольник. В общей планировке храма сказалась любовь древних египтян к простым геометрическим формам. План сооружения предельно прост. [21]

Древние египтяне представляли себе храм как жилище бога. Поэтому он состоял из тех же трех частей, что и дом богатого египтянина: открытый двор (то же в храме), приемная (в святилище — ипостиль) и в глубине жилища спальня хозяина дома (в храме это святая святых с прилегающими камерами). Таков первый тип древнеегипетского храма, план которого прослеживается во всех городских и заупокойных храмах, включая и скальные (см. § 3)¹³.

По такому же плану, иногда с небольшими изменениями, строились храмы греческого и греко-римского времени в Египте.

Вследствие многочисленных перестроек четкий план храма Амона в Карнаке оказался нарушенным: между ипостилем и святая святых встали промежуточные залы и несколько пилонов, обычно в таких местах отсутствующие в храмах. То же можно сказать и по поводу построек Тутмоса III (Юбилейный храм), Рамсеса II и царей XXX династии, воздвигнутых за основными зданиями храма Амона.

Храм Амона в Карнаке грандиозен. Все в нем поражает своими размерами: колонный зал, пилоны, мачты, обелиски, колонны. Невозможно выразить в полной мере словами то потрясение, которое испытываешь, впервые попадая в него. Храм занимает площадь 36 тыс. кв. м (от I пилона до конца Юбилейного храма Тутмоса III). Его по праву называют Большим храмом Амона, в отличие от других храмов Амона (в Танисе, например). Так будем называть его и мы. Брэстед считал, что храм Амона в Карнаке является «одним из наиболее внушительных из числа дошедших до нас памятников египетского архитектурного гения» [5, с. 98].

Для эпохи Нового царства наряду с рассмотренным основным типом храма известен и другой тип храма, хотя и менее распространенный. При Тутмосе III в [22] Карнаке между VII и VIII пилонами было воздвигнуто небольшое четырехугольное очень изящное строение, план которого предельно прост. Оно поднято на невысокую платформу; в центре его находится каменное возвышение для барки Амона, окруженное четырехугольного поперечного сечения столбами, соединенными невысокой стеной; на обоих торцах имелось по выходу¹⁴.

¹³ Некоторым исключением являются храмы в Амарне. Один из них состоял из комплекса открытых (без крыши) строений-дворов с множеством алтарей (см. выше). Поминальный храм Эйе, перестроенный Хоремхебом, также представлял собой огромный двор с портиком, окружающим его с четырех сторон, а ипостиль был очень узкий. Сооружения XXI–XXV династий в Фивах продолжают традиции строительства времени Нового царства. От саисского периода (XXV династия) не дошло ни одного храма.

¹⁴ Древние греки называли здания, обнесенные открытой колоннадой (ср. Парфенон), периптерами. Из-за сходства некоторых египетских храмов с греческими первые тоже стали именоваться периптерами. Это сходство было столь велико, что французская экспедиция в Египте (конец XVIII в.) сочла даже периптер

В храм можно было войти через вход со двора между VII и VIII пилонами, а выйти в противоположную дверь к озеру Амона. (Так вносили и ставили «для отдыха» ладью с божницей.) Периптер Тутмоса III сходен с изумительным по своей красоте алебастровым храмом Аменхотепа I (размером 4.2 × 2.8 м), ныне (после реконструкции) стоящим с северной стороны X пилона. Он, как полагают, представляет собой копию еще более древнего периптера Сенусерта I¹⁵ (размером 6.5 × 5 м), некогда тоже находящегося в Карнаке и в настоящее время восстановленного [108; 196; 222, с. 135–138].

Считают, что все небольшие «храмы отдыха», расположенные вдоль аллеи, ведущей от Карнака к Луксору, и построенные при Хатшепсут, были периптерическими [163, с. 102]. Центральное место в них также занимала камера с возвышением для ладьи [45, с. 37].

В несколько ином виде периптер лег в основу таких поздних святилищ, как маммизи, или «храмы рождения». Их начали строить в начале IV в. и продолжали возводить до середины II в. н. э. Самое древнее такого рода сооружение находится в Дендере и датируется временем Нектанеба II [124, с. 134–135; 123, с. 142].

Центр маммизи также состоит из помещения, окруженного колоннадой и соединяющей их невысокой стеной. Такие маммизи являлись позднейшей пристройкой [23] и в других случаях, например в Арманте¹⁶, Эдфу, Эсне и на о-ве Филе. Их пристраивали к передней части большого храма.

Расположение помещений в святилище, как и в храме Амона (двор, ипостиль, камеры для ладьи и божницы и окружающие их помещения), связано с традиционным их назначением. Храм — это место, где совершались культовые действия, имевшие своим объектом идол [24] божества. Последний пребывает в глубине храма в абсолютной тьме. Лишь посвященные лица, царь или заменявший его жрец, могли входить и видеть изображение бога.

Ежедневно утром жрец входил в святая святых, открывал божницу и совершал туалет бога, который заключался в умщении, одевании идола и украшении его ожерельями. Вообще-то ритуалов было значительно больше — свыше 30. Среди них были «очищение» водой и воскурение благовоний, взламывание печати на дверцах божницы [300, с. 164–167], После выполнения всех предусмотренных ритуалов дверцы божницы закрывали, чтобы на следующее утро повторить обряд опять.

Все эти действия, как и жертвоприношения, сопровождалось определенными формулами, включающими в себя и славословие. Поэтому с известной долей условности они могут быть названы молитвой.

В храме ежедневно совершались жертвоприношения. Было точно определено количество хлебцев, вина, пива, фруктов и других продуктов, которое нужно было поднести божеству, а также количество животных, подлежащих закланию. Известно, что в заупокойном храме Рамсеса III (см. ниже) каждый день закалывали быка. В одной камере, обычно расположенной за ипостилем, готовили пищу для бога, а в другой — раскладывали яства [197, с. 389]. Часть стен культовых помещений украшали сценами жертвоприношений и поклонения божеству. Эти рисунки, как полагают, связаны с описанными ритуалами. Ведь по представлениям древних египтян божества, изображенные на стене, реально могли вкушать ту пищу, которую клали перед ними на жертвенных столах [42, с. 42–43; 65, с. 84–85].

Весь ежедневный ритуал, включая туалет и кормление (жертвоприношение), имел своей основной целью, как считали древние, поддержание жизни идола.

Помимо ежедневных ритуалов были еще и праздничные, а праздников в древнем Египте в эпоху Нового царства было много. По данным календаря, вырезанного на стене заупокойного храма Рамсеса III, в его время их насчитывалось 164 [66, с. 51]. Одни из них

Аменхотепа III в Элефантине за греческий храм [5, с. 22]. Египетские периптерические храмы справедливо считаются предшественниками подобных греческих храмов. Периптерический храм, как и базилика (см. выше) — достижение древнеегипетских зодчих.

¹⁵ Михаловский произвольно называет его «киоском» и берет это слово в кавычки [25, с. 8].

¹⁶ Рождение Цезариона, сына Клеопатры и Цезаря, было отмечено такой постройкой.

совершались в честь богов, другие — в честь царей (юбилеи), третьи — в память мертвых, четвертые — месячные к годовичные. [25]

Самым популярным в Фивах был праздник Опет. Так называли храм Амона в Луксоре, где по представлениям древних египтян находился гарем бога Амона. Начинаясь праздник в Карнаке, а главная часть торжества проходила в Луксоре. Утром царь или заменяющий его жрец входили в святая святых, чтобы совершить обычные ритуалы (см. выше). После этого божницу ставили на барку, которую жрецы выносили на носилках на своих плечах в первый двор, где их ожидал народ. Все двигались по дороге к пристани; там барку переносили на другую ладью, которая шла по воде к Луксору. Народ сопровождал ее берегом. По прибытии в Луксор приносили обильные жертвы. Начинаясь всеобщее веселье с музыкой и плясками, включавшими и всевозможные гимнастические упражнения. Все это сопровождалось пением гимнов, прославляющих величие Амона.

Праздник в Луксоре продолжался весь день, вечером же возвращались в Карнак, чтобы на следующий день повторить все сначала. В правление Тутмоса III праздник Опет длился 10 дней, а при Рамсесе III — 24 дня. На протяжении всего этого времени участники [26] праздника были обеспечены едой; они отдыхали и веселились.

Из всех праздников времени Нового царства самым пышным был «Прекрасный праздник Долины» [291, с. 159–170; 146, с. 45–53]. Это было торжество, связанное с некрополем. После совершения обычного утреннего церемониала в камере для божницы ладью Амона с божницей выносили во двор, где уже теснился народ с цветами в руках, которые они несли на кладбище. Туда же доставляли ладьи богини Мут и бога Хонсу. Начинаясь шествие, которое двигалось от храма Амона по дромосу к пристани. Во главе кортежа шел царь — руководитель праздника. Ладьи богов устанавливали на ладьи, на которых пересекали Нил. Существенную часть праздника составляло плавание по Нилу, превращавшееся в своего рода парад на воде. При входе в канал, ведущий к Западным Фивам, ладьи делали остановки в предусмотренных местах. На набережной и у пристани в конце канала перед храмом Хатшепсут (в Дер эль-Бахри) стояли участники процессии. Танцевали взрослые и дети, египтяне и нубийцы. Воины шествовали, а такт им отбивали барабаны. Все это сопровождалось воскурением фимиама.

Ладья с божницей Амона приставала к западному берегу Нила, чтобы посетить заупокойные храмы умерших владык Египта и «встретиться» с покойными в некрополе.

После жертвоприношения начинали раздачу праздничной пищи. Заканчивался праздник возвращением в Карнак. Шествие по дромосу входило во двор, а затем жрецы, миновав ипостиль, вносили ладью в глубину храма.

Достоин упоминания также праздник Нового года, особенно пышно отмечавшийся в эпоху Птолемея в храме Эдфу и в Дендере.

В малые праздники, длившиеся один или несколько дней, ладью Амона и других божеств доставляли в другие храмы по суше [197, с. 389]. По пути следования процессия делала остановки, а ладью оставляли «на отдых» в периптерических храмах (см. выше) [109, с. 5].

В такие праздники, как «Прекрасный праздник Долины» и Новый год, торжественные процессии с музыкой, пением и танцами перемежались играми. В этом [27] можно видеть уже зачатки театра. Произносились панегирики в честь божеств и разыгрывались сцены, условно называемые драмой с пением (ср. ежегодные игры в честь бога Осириса в Абидосе, на которых представлялись эпизоды из мифа об этом боге) [134, с. 15–24, 32–33, 50; 66, с. 41–42].

В иные праздники совершали подъем на крышу храма, где для представлений, как полагают, устраивались специальные площадки-платформы [177, с. 15, 21]. Особенно широкое распространение такие храмовые представления получили в эллинистическую эпоху. В то время египетская религия приобретает новые черты. На крышах в храме Дендере и в храме Эдфу разыгрывались мистерии в масках. От этого времени известны и тексты с ролью для ведущего мима и руководства для жрецов-исполнителей.

Скульптурное оформление храма было тесно связано с его архитектурой. Статуи то ставили на свободные площадки, то в нишах стен [310, с. 93]. Таковы изваяния фараонов в образе бога Осириса, спеленутого и держащего перед собой знаки своей власти. Возвышаясь на пьедесталах, они нередко вместе с четырехугольным столбом, к которому примыкали, составляли огромный памятник.

Торжественные осирические каменные изваяния Тутмоса I высотой около 5 м украшали двор храма между V и VI пилонами [209, с. 32]. При Тутмосе III к ним добавили еще четыре. При Аменхотепе IV в построенном при нем храме (см. § 5) в Карнаке было поставлено около сотни статуй 5-метровой высоты, отстоящих одна от другой на расстоянии 2 м [151, с. 169]. Во дворе храма Рамсеса III, расположенного к югу от главного храма, таких статуй¹⁷ было по семи с каждой стороны [210, с. 90].

Огромные статуи украшали фасады пилонов — монументальных входов в храм. Перед VII пилоном, расположенным с юга, находилось шесть царских скульптур, из которых две имеют высоту 11 м [265, с. 244]. VIII и IX пилоны также украшены несколькими статуями [28] Аменхотела III и Рамсеса II, изваянных из белого известняка [98, с. 606–607; 210, с. 140; 45, с. 237].

Много статуй стояло перед X пилоном. По обе стороны от входа находилось по семь фигур царя в сидячем и стоячем положении. Особое место среди них занимали кварцитовые истуканы — монолиты Аменхотепа III высотой, по данным Шевриэ, более 24 м [54, с. 244; 100, с. 177–178; 207, с. 14]. С ними можно сравнить лишь колоссы Мемнона (изображения того же Аменхотепа III), а также некоторые каменные гиганты времени Рамсеса II в Мемфисе и Абу Симбеле (см. ниже).

У входа в храм Рамсеса III, примыкающего к большому храму Амона с юга, с каждой стороны от входа стояло по 6-метровой статуе этого царя. В первом дворе храма Амона было несколько скульптур. Одна группа алебастровых статуй, высотой более 5 м представляла Рамсеса II с богом Амоном [210, с. 88, 152]. Недалеко от них расположились два колосса Рамсеса II, у ног которого находилось изображение его жены. Лица этих монументальных изваяний из белого, розового и серого камня исполнены важности и власти, а позы полны покоя и торжественности. Статуи были раскрашены. У гранитных истуканов глаза подкрашивали черной краской, а бородки — голубой.

Все свободное пространство во дворе храма Амона и в помещениях было занято скульптурами. На территории только Юбилейного храма Тутмоса III находилась 61 статуя фараонов, царствовавших до него [64, с. 89; 314, с. 214]. При Рамсесе III количество статуй в Большом храме Амона значительно увеличилось. Царь подарил храму 2756 изваяний бога Амона [72, с. 118, 140], которые, как полагают, были деревянными (из кедра и персеи), но покрыты дорогими металлами (см. § 17). К сожалению, об их размерах ничего не известно.

В храме находилось также множество изваяний, значительно уступающих по размерам вышерассмотренным. Это были изображения приближенных фараона, в том числе и архитекторов. Известно, например, что Сененмут, зодчий храма Хатшепсут в Дер эль-Бахри, Аменхотеп, соорудивший великолепный храм Птаха в Мемфисе, и Аменхотеп, сын Хапу, главный архитектор Луксорского храма, строитель заупокойного храма [29] Аменхотепа III и некоторых других сооружений [233, с. 114–115 табл. XXXV] были удостоены такой чести. До нас дошли 14 каменных статуй Сененмута [188, с. 141–148]¹⁸. Из семи известных нам

¹⁷ Изготавливать осирические статуи, называемые также кариатидами, начали во времена Среднего царства. Фараоны XII династии охотно ставили свои изображения в виде таких статуй в храме Менхотепе III (XI династия) в Дер эль-Бахри [316, с. 8].

¹⁸ Сененмут был одним из прославленных зодчих. Как архитектор он проявил себя при сооружении храма Хатшепсут в Дер эль-Бахри. Он руководил также строительством в Карнаке, Луксоре и Арманте и изготовлением обелисков в Асуане, где обнаружены его надписи на гранитных обломках [163, с. 94]. Он объединил в своих руках многие высшие административно-хозяйственные должности страны (имел более 80 титулов) и контролировал огромные ресурсы страны [169, с. 106–107]. Благодаря этому Сененмут стал самым могущественным человеком после царицы. Это подтверждается и тем, что для Сененмута была выбита глубокая скальная гробница, погребальная камера которой расположена непосредственно под первой террасой

изваяний Аменхотепа, сына Хапу, два стояли перед X пилоном, причем одно из них располагалось у ног упомянутого уже нами колосса Аменхотепа III [303, с. 1–15, 140–141]. Для другой части малых истуканов отводили место в первом большом дворе храма, через который в праздник проходило шествие.

Особое место в украшении храмов занимали сфинксы. Вдоль дромосов многих из храмов располагали сфинксы длиной до 3 м. Только в Карнаке их количество превышает тысячу [210, с. 25; 221, с. 4].

Перед изумительным по своей красоте храмом Хатшепсут в Дер эль-Бахри, расположенным на трех скальных террасах, стояло более ста сфинксов. Одни из них как бы охраняли дорогу длиной 400 м, ведущую от пристани к храму, а другие — с головой царицы Хатшепсут — как бы сопровождали идущих на террасу [310 с. 29; 316, с. 172–173, 213].

Подобные же аллеи были в Амарне [252, с. 5], Мемфисе и в других местах. [30]

На территории Большого храма Амона было несколько садов. Под них использовали участки земли вокруг храмовых строений и небольшие пространства, оставшиеся свободными между зданиями. Нередко сады располагались и между пилонами [48, с. 17, 21]. В гробнице Аменхотепа, второго жреца Амона, изображена та часть храма Амона, где при Тутмосе III около пилона росло пять сикомор [69, с. 29, рис. 28]¹⁹. В храмовых садах времени Нового царства помимо сикоморы росли также пальмы, персея, акация, ива и фруктовые деревья, разводили и виноград [321, с. 87–88]. Полагают, что при Аменхотепе III двухкилометровая аллея каменных изваяний-сфинксов, соединяющая Карнак с Луксором, тоже была обсажена деревьями [5, с. 25]. Вокруг деревьев, надо думать, были зеленые ковры из травы и цветы.

Древнеегипетские храмовые сады поражают нас прежде всего «организованностью» посадок. Деревья выступали стройными рядами (см. § 6). В основе планировки садов лежали симметричность и геометричность. Этим, возможно, занимались непосредственно архитекторы, возводившие здания. Например, всеильный вельможа Сененмут в числе многих титулов имел и титул «начальника садов Амона» [310, с. 59].

В Карнаке, недалеко от обелисков Хатшепсут (см. выше), был разбит и фимиамный садик, в котором росли диковинные заморские растения²⁰, привезенные во времена ее правления из загадочной страны Пунт, расположенной где-то к югу от Красного моря (см. §§ 12, 20). [31]

Такие зеленые пятна-садики на фоне ослепительно светлых с разноцветной росписью стен храма выглядели очень празднично.

С юга к храму Амона примыкало священное озеро правильной прямоугольной формы с ровными берегами, одетыми в камень при Тутмосе III. Все спуски к воде были устроены симметрично, радуя глаз.

поминального храма царицы Хатшепсут. На такой шаг ни до, ни после Сененмута не решался ни один египетский зодчий. Сооружение только этой усыпальницы продолжалось целых четыре года [167, с. 21–23]. Кроме того, в песчаниковых скалах Сильсиле для него сделали кенотаф (ложную гробницу) в виде часовенки, стены которой украшали рельефы [79, с. 53]. Известен также великолепный кварцитовый (!) саркофаг Сененмута [168 с. 19–23]. Царица поручила ему воспитание своей дочери.

По-видимому, всем этим Сененмут был обязан самому себе, так как его родители были простого происхождения. Карьера, общественное положение древнеегипетских архитекторов, как было отмечено еще М. Матье [24, с. 11–19], полностью зависели от их личных способностей и заслуг.

¹⁹ Археологи, однако, не обнаружили их следов, так как этот садик при последующих многократных перестройках оказался утраченным.

²⁰ Экспедиция доставила в Египет около 30 деревьев [132, с. 56–59; 238, с. 17, табл. LXXIV]. Древние египтяне пытались акклиматизировать фимиамные, включая и мирровые, деревья, поскольку у них отсутствовали растения, точившие благовония, столь необходимые для воскурений в храмах. Они стремились вырастить эти диковинные растения на египетской почве, чтобы получать драгоценное пахучее вещество, похожее на смолу, и тем самым обходиться без дорогостоящих и опасных экспедиций.

Так как родина благовонных деревьев — высокое плато и горы Хадрамаута, Дофара в Аравии и некоторые районы Сомали — расположена значительно южнее Фив, то современные специалисты-ботаники полагают, что такие экзотические растения в Карнаке (и в Дер эль-Бахри), если и приживались в своего рода оранжереях, то смолу все-таки не давали [172, с. 71]. Словом, затея с их пересадкой на египетскую почву была обречена на неудачу.

Храм Амона окружали обширные дворы, где содержали и закалывали животных, предназначенных для жертвоприношений, и множество административно-хозяйственных строений, в которых хранились различные съестные припасы и материалы. Всему велся строгий учет.

В мастерских выполняли самые разные работы: изготавливали металлические конструкции (литые бронзовые двери; см. § 17), каменные изваяния, кирпич и даже сандалии [32, с. 118–119].

Высокая и очень толстая кирпично-сырцовая стена-ограда опоясывала рассмотренный нами комплекс сооружений, который занимал площадь в 25 га (250 тыс. кв. м). Внутри этой ограды в разное время были выстроены малые святилища богу Хонсу (согласно древнеегипетской мифологии сын Амона), Птаху и Осирису

Помимо Амона в Фивах почитались бог Монт и богиня Мут. Их храмы были расположены соответственно с севера и с юга от Большого храма Амона и также обнесены оградами.

§ 2. ПОМИНАЛЬНЫЙ ХРАМ РАМСЕСА III

В начале XVIII династии царскую гробницу стали сооружать отдельно от культовой молельни, ранее составлявшей часть гробницы. Аменхотеп I первым поставил свой поминальный храм ближе к Нилу, перед грядой скал, на расстоянии 1 км от места, где за горным кряжем находилась его скальная усыпальница. При царях XVIII–XX династий эти культовые молельни стали делать более крупными.

В фиванском некрополе (Западные Фивы) своим великолепием выделялись заупокойные храмы Сети I (самый северный), Хатшепсут (в Дер эль-Бахри), Аменхотепа III (за колоссами Мемнона), Рамессеум (святилище [32] Рамсеса II) и Рамсеса III (у современного поселения Мединет Абу, напротив Луксора).

Хотя поминальные храмы Нового царства были посвящены богу Амону, в них совершали заупокойный культ и по умершему царю: убрали его статую, как и статую бога, и приносили жертвоприношения, сопровождая определенными формулами.

Заупокойные храмы строились по тому же плану, что и городские (см. храм Амона) (см. § 1). Из всех упомянутых поминальных храмов эпохи Нового царства храм Рамсеса III сохранился лучше других. Он хорошо изучен археологами. Он, как отмечают, построен по единому, хорошо продуманному плану [178, с. 27] и ориентирован с востока на запад. Храмовый комплекс в Мединет Абу состоит из нескольких частей: центральное здание — собственно храм (очень вытянутый прямоугольник), дворец, административно-хозяйственные строения, дворы, сады и жилища для жрецов и obsługi. Все здания вместе занимают площадь около 80 тыс. кв. м и обнесены тремя кирпично-сырцовыми оградами, из которых две были очень внушительных размеров. Таким образом, в отличие от других храмов времени Нового [35] царства, храмовый комплекс Рамсеса III построен как крепость.

Вход в храм начинается, как и в Большом храме Амона, у пристани. За первыми воротами в сравнительно невысокой кирпичной ограде следовали вторые ворота, устроенные в высокой ограде с башнями толщиной около 20 м. Башни вместе с самой высокой стеной образовывали второе кольцо мощных укреплений. Стена наверху была достаточно широка. Фасад этой башни украшен яркими рельефными сценами битвы Рамсеса III с «народом моря», а на противоположной стороне представлена царская охота на диких быков.

Миновав далее несколько малых входов в невысоких оградах, отделяющих справа малый храм — периптер Хатшепсут и Тутмоса III [27, табл. 64] (см. § 1), а слева сад, попадали на слегка приподнятую площадку перед пилоном, за которым находился почти квадратный двор²¹. С южной стороны он имеет портик, где между колоннами находился вход во дворец (см. ниже), а с севера располагались осирические статуи высотой 9.28 м, как

²¹ Новые исследования Рике [274, с. 202] показали, что такие дворы могли быть очень большими. Например, двор в заупокойном храме Аменхотепа III, расположенном к северу от рассматриваемого нами храма Рамсеса III, имел площадь 7300 кв. м., где вдоль всех сторон стояли в четыре ряда колонны, общее количество которых достигало 164.

бы прислоненные к каменным столбам [27, табл. 66] Слева и справа от ног этих гигантов стояло по фигуре принца и принцессы в человеческий рост. В отличие от Большого храма Амона, в Мединет Абу было два двора. Второй двор находился за вторым, значительно меньшим пилоном. Этот двор был окружен портиками и осирическими статуями. Западная колоннада стоит на террасе высотой 1.2 м. Храм Рамсеса III, подобно другим такого рода сооружениям времени Нового царства, был построен так: каждая последующая группа помещений (по главной оси) располагалась выше предыдущей, помещения становились все ниже и ниже. По обе стороны от входа, ведущего в ипостиль, находились две гигантские скульптуры сидящего Рамсеса III высотой 11 м, которые, как заметил Хольшер, в этом сравнительно небольшом дворе (38 × 34 м) казались [36] очень большими и даже как бы подавляли окружающую архитектуру [177, с. 10, 34].

За первым, хорошо освещенным благодаря высоко расположенным окнам ипостилям с 24 колоннами идут второй и третий малые колонные залы. Посередине этих помещений был проход для процессий шириной 3.1 м.

Далее по главной оси находились погруженные во мрак камеры для ладьи Амона и его божницы. Справа от первого ипостиля размещались культовые помещения, камера для ладьи других фиванских богов и царя. Стены всех камер украшали рельефы из религиозных сцен [177, с. 10, 12, 16, 19].

Из многих внутренних помещений главного здания храма в Мединет Абу наибольший интерес представляют те, которые называются сокровищницами. Находились они в левой южной части здания. Это были четыре камеры, расположенные попарно-симметрично по обе стороны одного коридора. В них хранили ценности, как и в храме Амона (см. § 1). Войти в сокровищницу можно было лишь через одну-единственную дверь, открывавшуюся в общий коридор, из которого уже попадали в каждую отдельную комнату. В древнеегипетских храмах, как мы увидим ниже (§ 14), не использовали замков в нашем понимании этого слова, а ограничивались запечатыванием и охраной дверей. Чтобы предотвратить проникновение в сокровищницу, входную дверь в коридор и стену помещения, из которого она открывалась, устраивали на одном уровне, или, выражаясь техническим языком, делали заподлицо. Дверь и стену украшали еще рельефом с рисунком. Когда дверь была закрыта, изображения на ней и на примыкающих к ней участках стены представляли собой единую композицию при взгляде на которую не возникало даже мысли о каком-либо входе [197, с. 389].

Вдоль длинных стен в помещениях в процессе кладки делали полки-уступы для хранения ценностей (орудия для культа, всевозможные «одежды бога», предметы украшения, сосуды с благовониями и многое другое; ср. § 1) [177, с. 14, 20; 182, с. 4]. Изображения этих ценностей сохранились на стенах камер.

В храме было и особое помещение для алтаря для совершения культа Амона. Оно находилось в глубине храма к северу от третьего ипостиля и представляло [37] собой небольшую комнату (10.8 × 6.85), поскольку крыша была устроена таким образом, что непосредственно над алтарем она отсутствовала [294, с. 169; 177, с. 31]. Посередине двора стояла платформа-алтарь, на которую вела невысокая лестница. Она была поставлена так, что поднимающийся смотрел на восток.

Слева к храму вплотную примыкал дворец²² [27, [38] табл. 69–71], фасад которого был одновременно и стеной двора храма²³. Поэтому в левой стене двора были устроены два

²² Полагают, что появление храмовых дворцов объясняется отсутствием в Фивах постоянных царских резиденций. С конца XVIII династии фараоны для своего постоянного местожительства избирали другие города. Хоремхеб, например, имел дворец в Мемфисе, а Сети I и Рамсес II (XIX династия) — в Дельте. В конце 20-х годов были раскопаны остатки дворца Сети I, где он, по мнению исследователей, отдыхал после очередного своего похода в Азию [165, с. 64].

В храмовых дворцах цари останавливались во время своих посещений Фив. Однако упомянутые дворцы при заупокойных храмах вплоть до Рамсеса III были очень невелики. Даже в поминальном храме Рамсеса II (Рамессеум) отсутствовала спальня. Очевидно, и не всегда царь оставался там ночевать [174, с. 48; 179, с. 77].

²³ В поминальном святилище Сети I в Абидосе такой дворец был несколько удален и не имел с ним такого непосредственного сообщения через двор храма [54, с. 27].

входа, через которые попадали сначала в малые камеры — вестибюли, а далее — в колонный приемный зал. За ним располагался 4-колонный тронный зал размером 10.5 × 14 м. У противоположной входу стены было белое каменное (алебастровое) (см. § 4) возвышение с тронном, с несколькими пологими ступенями, по которым царь совершал восхождение. Трон представлял собой богато отделанное кресло, над которым был устроен балдахин [27, табл. 75]. Во дворце Рамсеса III таких тронов имелось три [174, с. 44].

В этом дворце жил фараон, если его пребывание в храме было длительным. В древнем Египте праздников было много, и их справляли даже в течение нескольких недель. Неудивительно, что в конце царствования Рамсеса III дворец перестроили, сделав его более вместительным. При этом было расширено и «окно царского явления», расположенное между упомянутыми двумя входами во дворец. Оно находилось высоко и было отделано золотом, инкрустацией из стекла, фаянса и разноцветных камней [177, с. 40–43, 49], а нижняя рама опиралась на изваяния голов поверженных врагов — варваров. Стоя в «окне царского явления», царь видел двор храма, где стоял алтарь и приносились жертвы богу Амону, сыном которого считали себя фараоны. Из такого же «окна» шла раздача царских подарков приближенным. Аменхотеп IV (Эхнатон) в Амарне со всей своей семьей из «окна» награждал будущего фараона Эйе дорогими ожерельями-оплечьями и сосудами [5, с. 49].

За парадными залами дворца находились личные покои царя (спальня, комната для одежды, ванная²⁴ и камора, из которой лестница вела на крышу). В глубине здания располагались женские комнаты. Каждая женщина в гареме имела свою «квартиру», состоящую [39] из передней, жилой, спальни и ванной комнат. Всего таких «квартир» во дворце Мединет Абу было три. Они были изолированы и имели самостоятельные входы [177 с. 51, 59]. Кроме собственных комнат женщины имели и общие помещения для времяпрепровождения. В одном из таких залов находился второй царский трон на каменной основе (известняк). Известно, что в резиденции Аменхотепа III в Малкате, расположенной к югу от Мединет Абу, в гареме восемь женщин имели аналогичные помещения. Очевидно, в Фивы на праздники Рамсеса III сопровождали не более трех женщин.

Главное здание храма окружали многочисленные административно-хозяйственные службы. В отдельных постройках помещались канцелярия и архив. Хольшер пришел к выводу, что данные о планировке административных помещений, полученные возглавляемой им в течение многих лет археологической экспедицией в Мединет Абу, и план, изображенный на стене гробницы одного везира времени Рамсеса III, совпадают [183, с. 19] Известен также настенный рисунок в гробнице царского писца от более раннего периода (XIX династия) [67, с. 59–61]. Используя эти сведения, мы попытаемся описать в самых общих чертах, выражаясь современным языком, административное управление в храме древнего Египта.

Обычно административный комплекс состоял из двора, вестибюля, зала для писцов и архива.

Во дворе просители сидели на скамьях в ожидании приема. В вестибюле стоял сосуд с водой, из которой писцы наполняли свои горшочки для разведения краски («чернил»).

В зале для писцов нередко имелось изваяние бога Тота (на пьедестале в виде павиана) — покровителя письма и писцов. Это помещение, в котором сидели писцы со своим начальником, было хорошо освещено. Для этого помещение строили в виде трехнефного колонного зала с таким расчетом, чтобы большие окна, расположенные в средней, наиболее высокой части потолка, давали много света (ср. ипостиль в § 1).

Последнее помещение было предназначено для хранения документов, папирусных свитков с записями и реестрами [177, с. 64]. Оно могло состоять из нескольких комнат в зависимости от объема документации. О большом [40] размахе учета, о количестве книг и записей храма Рамсеса III можно судить по следующему факту. Храм получал ежемесячно пять больших кусков папируса, которые разрезали и превращали в писцовые книги-свитки [242, с. 51]. Все документы и книги хранились в деревянных ларях, похожих на те, которые

²⁴ В этих комнатах мылись, но ванн там не было.

были и в храме Амона (см. § 1). Один такой ларь для папирусов, некогда принадлежавший верховному жрецу Рамсеснахту, дошел до нас со следами пожара. Он, как полагал Пит, первоначально помещался в рассматриваемом нами архиве храма в Мединет Абу [251, с. 254]. В случае надобности из архива по приказанию главного писца доставляли нужный ларь с документами, вносили необходимые записи или наводили справки. Если лари были тяжелые, то их поднимали и опускали по специальному пандусу, устроенному посередине невысокой лестницы, ведущей в архив.

Особое место в заупокойном храмовом комплексе Рамсеса III занимали кладовые, закрома и другие хозяйственные помещения. Они окружали главное здание с трех сторон, и попасть в этот огромный квартал можно было лишь через одну-единственную улочку, начинавшуюся справа от входа в первый пилон [177, с. 8, 63, 78]. Склады, узкие и длинные кирпичные помещения, близко расположенные друг от друга, имели сводчатые потолки (см. § 11) [27, табл. 35]. Все ценности, хранимые в данных складах, вместе с богатствами, находящимися внутри главного здания (см. выше), делали из храма своего рода сокровищницу.

Параллельными рядами они тянулись на десятки метров. Многие камеры не имели освещения. Свет проникал в них лишь через дверь в торце. В других случаях в потолках были устроены своеобразные окна. В помещениях, отведенных под зерно, люки в потолке использовались для засыпки зерна [179, с. 73, 82]. На крышу можно было попасть по специальным лестницам, которые в некоторых камерах начинались внутри.

Как и в Рамессеуме, хозяйственный квартал в Мединет Абу был распланирован таким образом, что дверь каждой кладовой открывалась в один общий коридор. Несколько кладовых составляли блок. Таких блоков в поминальном храме Рамсеса III Вандье насчитывает семь [299, с. 780]. Подобная планировка, несомненно, [41] облегчала охрану и контроль над расходом материалов и продуктов.

В малых хранилищах имелись низкие каменные полки наподобие скамей. На них ставили сосуды с вином, маслом или держали благовония, металлы и т. п. [17; с. 65]. В части складов Большого храма Атона в Амарне были найдены печи, в которых, как полагают, выпекали хлебцы [252, с. 108–109, табл. XXVIII:6].

В хозяйственном же квартале располагались мастерские по изготовлению сосудов, различных украшений и предметов, которые приносились затем в дар богу.

Среди хозяйственных помещений, возможно, были конюшни²⁵. Два строения находились позади главного входа в ограде храма. Фасад одного из них украшен изображением фараона с лошадьми. В обоих строениях имелись легкие перегородки. В конюшнях могли стоять 12 лошадей, которые, вероятно, предназначались для царского выезда [178, с. 18–19; 185, с. 44].

Две другие постройки на кирпично-сырцовом основании с деревянными колоннами стояли справа от входа внутри третьей ограды и служили местом закладки жертвенных животных. Древние египтяне называли их «чистым двором». Где-то неподалеку от этих «дворов» должен был стоять и хлев для животных [178, с. 19; 4; с. 180; 38, с. 88]²⁶. Неизвестно, правда, как содержали этот скот. Обычно для привязывания животных в камне пола вырезали специальные кольца. К этим кольца прикрепляли конец веревки, идущий от шеи или передней ноги животного. Возле Большого храма Атона в Амарне место заклания животных удалось определить только по находкам нескольких таких камней с кольцами [252, с. 10]. [42]

²⁵ Окончательной уверенности в такой интерпретации нет, поскольку отсутствует сравнительный археологический материал о помещениях для содержания этих животных в древнем Египте.

²⁶ В двух камерах внутри храма были, правда, настенные рельефы со сценами заклания быков, но отсутствие там света и воды не позволили Хольшеру в свое время допустить и мысли об использовании этих помещений в качестве скотобойни [177, с. 14]. К аналогичному выводу позднее пришли Нельсон и Арнольд [242, с. 33–37; 42, с. 89–90]. Некоторым подтверждением в пользу правильности данного положения служит и поминальный храм Сети I (Абидос), где скотобойня находилась не в главном здании храма, а в левой части хозяйственного комплекса, рядом со складами [152, с. 144].

По размерам и отделке вспомогательные сооружения храма Рамсеса III уступали аналогичным строениям заупокойного храма Сети I (Абидос) и его сына Рамсеса II, расположенного недалеко от Мединет Абу. По мнению Хольшера, общая площадь хозяйственного квартала Рамессеума в три раза превышала площадь хозяйственного квартала в Мединет Абу [183, с. 20]. Достаточно сказать, что при храме Рамсеса II общее количество подобных помещений равнялось 161 [271, с. 8]. Сами помещения в храмовом комплексе Сети I были более просторны. Коридор размером 13,5 × 16 м выглядел уже как приемный зал. Стены, колонны и пилястры в этих помещениях заполняла яркая геометрическая роспись [152, с. 113, 143]. В отличие от них, служебные помещения храма Рамсеса III были лишь побелены.

Такой контраст между вспомогательными сооружениями храмов фараонов времени XIX и XX династий объясняется различиями в политическом и экономическом положении Египта в царствование Сети I и Рамсеса II, с одной стороны, и Рамсеса III — с другой. Более скромные размеры помещений, отсутствие украшений в них свидетельствуют о начавшемся упадке Египта при XX династии.

Поселок многочисленной храмовой обслуги (ремесленники, слуги, привратники, художники, писцы и др.) тянулся по обеим сторонам храма между внутренними оградами шириной около 25 м. Кирпично-сырцовые домики стояли двумя рядами, тесно пристроенные один к другому, образуя прямоугольники. Все жилища каждой группы были одинаковой планировки. Входная дверь вела в открытый двор с колоннами; слева шли жилые каморы, а справа — хозяйственные помещения. На плоскую крышу поднимались по лестнице, сложенной из кирпича.

Планировка второй группы жилищ отличалась тем, что все помещения обступали первый двор с трех сторон [177, с. 75; 184, с. 8–9; 185, с. 44–45].

Совершенно особую группу составляют удивительно маленькие каморы, расположенные вокруг одного помещения, которое Хольшер назвал «вестибюлем». К сожалению, остается неизвестным их назначение [178, с. 15].

Недалеко от поминальных храмов Рамсеса III, Эйе и Хоремхеба стояли круглые хижины из плетней, густо [43] обмазанных илом и глиной. В них могли укрываться от ночной прохлады многочисленные работники, занятые на строительстве храмов [179, с. 68–72].

Поминальный храм Рамсеса III, как и большинство других таких святилищ в Западных Фивах, располагался за пределами возделываемой земли, куда не доходила вода нильского разлива. Там, на границе с пустыней, строители посадили искусственный сад наподобие сада в Карнаке.

В пределах Мединет Абу перед I пилоном и за храмовым дворцом находилось несколько садов и искусственных прудов. Растения высаживались непременно в правильном порядке. В одном саду 15 деревьев (по пять в ряд) стояли с интервалом в 9 м, а в другом — только в 3.5 м [178, с. 19–20].

Зелень перемежалась с легкими постройками — беседками, напоминающими те, которые устраивались в обычных дворцовых парках. В одном саду, расположенном возле гарема, были, по мнению Хольшера, сделаны еще и искусственные террасы [185, с. 35].

В прудах произрастали папирус и яркие цветы, среди которых особое место занимали водяные лилии, часто называемые лотосом [182, с. 4, 22]. Среди выжженной пустыни, окружавшей храм Рамсеса III, все это выглядело сказочно.

§ 3. СКАЛЬНЫЕ ХРАМЫ

При XVIII династии помимо храмов, сложенных из камня, впервые начали устраивать святилища в скалах [48, с. 367]. Они восходят к скальным гробницам²⁷. Естественно, что строители времени Нового царства опыт по устройству и украшению скальных гробниц

²⁷ Первые скальные храмы были вырублены при Хатшепсут и Тутмосе III [110, с. 210]. В Сильсиле находится храм Хоремхеба [316, с. 121].

использовали при сооружении скальных храмов. Иногда такие храмы называют пещерными, но, в отличие от естественных пещер, они целиком вырублены в скале. Это удивительные архитектурные памятники, имеющие потолки, стены, пол и лестницы, т. е. все то, что типично для любого здания. Но все это вырублено в горе. [44]

В Абу Симбеле около вторых порогов находится скальный храм Рамсеса II, который стал известен всему миру в ходе работ по спасению этого уникального памятника древности²⁸.

Нил катит свои воды у подножия храма. На террасу ведет невысокая лестница в девять ступеней. От реки довольно широкая терраса ограничена балюстрадой со статуями [222, с. 152, рис. 260–261]. Вход в храм очень своеобразен. На слегка наклонную поверхность скалы как бы перенесен фасад обычного пилона с башнями. Для этого в песчаниковой скале выбито гигантского размера (38 × 32) трапециевидное углубление [117, с. 271]. В нем вырезали четыре колосса Рамсеса II.

Между вторым и третьим колоссами в скале сделано прямоугольное углубление — вход, над которым изваян фриз из 22 круглых скульптур — изображений обезьян.

Свет внутрь проникает через единственную дверь. Поскольку храм обращен на восток, дважды в год (21 марта и 23 сентября) лучи восходящего солнца и ось храма совпадали. В результате этого при первых лучах внутренние помещения оказывались освещенными. Возникла даже легенда о том, что святилище было построено с расчетом именно на это.

Через вход-провал попадали в почти квадратный зал (17 × 16 м) с девятиметровыми осирическими статуями, прислоненными к стене и расположенными двумя группами по четыре памятника в каждой.

Традиционный план городского и поминального храмов, рассмотренных нами выше, в скальном храме несколько изменен. В первом подземном зале слились элементы и двора и ипостилия обычного храма. За первым большим залом идет колонный зал меньшего размера (7.6 × 11 м) с четырьмя четырехугольными столбами. Далее в скале выбиты помещения для священной ладьи и божницы. В отличие от других храмов, в Абу Симбеле святая святых находится на главной оси скального сооружения [42, с. 8]. Из второго колонного зала попадали в левую и правую группу камер, из которых [45] четыре северных являлись, как полагают, тайниками-сокровищницами. В них имеется надпись, указывающая, что данная камера была украшена лучшими материалами и наполнена всевозможными драгоценностями [42, с. 87].

Стены в первом зале храма Абу Симбела сплошь покрыты традиционными рельефами с военными сценами. Рамсес II представлен в битве при Кадеше на р. Оронт побеждающим врагов. В отдаленных помещениях стены украшены религиозными картинами: изображены плавание ладьи и царь, совершающий жертвоприношение. В одной из последующих камер по главной оси храма вырезаны ниши. В них были круглые скульптуры трех божеств и царя, вырезанные в скале, но не отделенные от нее.

Храм Рамсеса II примечателен и своими размерами. Он — самый большой из шести выбитых при этом фараоне скальных святилищ и уходит в глубь горы по главной оси на 55 м. Находящийся рядом храм супруги царя Нефертари уступает ему по размерам почти в два раза (28 × 12 м).

Наибольшая высота помещений в самом малом из скальных храмов Рамсеса II в Дерр равна всего 5 м, а высота зала в храме Абу Симбела достигает 10 м. К тому же все такового рода храмы Рамсеса II уступают большому храму в Абу Симбеле и своим внутренним убранством. Например, вместо осирических статуй-колонн большей частью стоят обыкновенные столбы с четырехугольным поперечным сечением. В связи с этим надо заметить, что искусство мастеров, работавших в храме Рамсеса II в Абу Симбеле, было очень высоким (см. § 16), хотя и в тех и в других скальных храмах, сооруженных при Рамсесе II, нет ни прямых стен, ни архитравов, ни прямых углов [276, с. 2; 85, с. 5].

²⁸ В 60-х годах XX в. вся скала с храмом была разрезана простыми пилами на большие блоки, которые были подняты на более высокое место при помощи современных технических приспособлений

Перед храмом Рамсеса II в Абу Симбеле располагались четыре колосса. Их можно сравнивать лишь с колоссами Мемнона²⁹, поставленными при Аменхотепе III [46] перед его Поминальным храмом (недалеко от храма Рамсеса III, рассмотренного выше), и теми каменными истуканами, которые некогда украшали X пилон в Карнаке (см. § 1). В отличие от подобных каменных гигантов, в Абу Симбеле они вырезаны искусно в скале, но не отделены от нее и казались совершенно самостоятельно стоящими³⁰. Они хотя скупо моделированы, но портретны. Рамсес II имел полное право гордиться своими изваяниями, так как они превосходили размерами колоссы Мемнона, воздвигнутые за 100 лет до того, хотя и уступали колоссам Аменхотепа III, которые стояли перед X пилоном (см. § 1). Высота колоссов Мемнона (без цоколя) достигала всего 15.6 м, тогда как сидящие гиганты Рамсеса II в Абу Симбеле равнялись почти 20 м [157, с. 270].

При Рамсесе II было изваяно большое количество колоссов. В Луксоре перед строениями, возведенными при нем, находилось шесть царских истуканов. Из них две сидящие фигуры вместе с цоколем имели высоту [47] 15.6 м, а четыре другие гранитные статуи почти такого же размера изображали царя стоящим. Представление об их пропорциях дает высота головы этих каменных гигантов, достигающая 2 м, а длина рта — 37 см!

Колоссы Рамсеса II, стоящие перед храмом Птаха и Мемфисе, превышают по размерам луксорские, и лишь кварцитовые статуи царя в Танисе немногим уступали им [207, с. 14; 48, с. 308; 110, с. 166; 322, с. 34; 26 с. 14–16].

§ 4. КАМЕНЬ

Камень — строительный материал. При сооружении храмов Нового царства использовались известняк, песчаник, алебастр, гранит и кварцит. В данном случае мы исходим из минералогической классификации, которая, разумеется, не могла быть известна древним египтянам [166].

Нельзя, однако, согласиться с мнением Гардинера о плохом знании свойств камня людьми, построившими например, зал в Юбилейном храме Тутмоса III в Карнаке [150, с. 7]. Гардинер пришел к такому выводу потому, что верхняя часть южной стены с надписями была из песчаника, а нижняя, легко поддающаяся разрушению от воды, — из известняка. Нам кажется более правдоподобным другое объяснение. Песчаник тверже известняка и, следовательно, более пригоден для вырезания рельефов. Нижнюю часть стен (из известняка)

²⁹ Два колосса, сидящие на кубических сиденьях, потрескавшиеся и безликие, с чудовищными стволами ног ныне стоят в чистом поле на западном берегу Нила, напротив Карнака. Некогда они охраняли вход в храм, позднее разобранный. Возможно, что в 27 г. во время землетрясения правая (северная) статуя раскололась, и каждый день на заре каменный гигант издавал своеобразные звуки. Античные авторы описывали их как утреннее пение или рыданье. В поэтических легендах колоссы представляют изображения древнегреческого героя Мемнона, убитого в Троянской войне, и, согласно этой легенде, мать героя — богиня утренней зари Аврора — каждое утро оплакивает своего сына. Причина такого «пения» оставалась неясной. В римское время греческий географ Страбон, посетивший в свите римского префекта Элия Галла Египет, услышав «пение» статуи, усомнился в том, что она могла издавать подобные звуки. Он даже заподозрил обман [31, кн. XVII, гл. 1, § 46]. Стонущие звуки возникают потому, что после холодной ночи с быстрым в Египте восходом солнца резко повышается температура, в результате чего внезапно расширяются треснувшие камни. От этого и происходят звуки, напоминающие звуки свирели. Подобное «пение» камней неоднократно наблюдали в древних храмах Египта [343, с. 387]. Так причудливо переплетались выдумка с истиной. В III в. н. э. при императоре Септимию Севере статуя была исправлена и навсегда умолкла.

³⁰ Обычай украшать храм скульптурными фигурами царя восходит к III тысячелетию. В то время в храмах ставили сравнительно невысокие изображения царя. Лишь в поминальном храме фараона Усеркафа (V династия) высились огромные, в три человеческих роста, изваяния. По мнению Феса, это единственный пример колосса от времени Старого царства [145, с. 65]. От Среднего царства до нас дошло несколько великолепных образцов больших скульптур. Таковы две кварцитовые фигуры Аменемхета III высотой 12 м, которые стояли в Биахму (недалеко от Лабиринта) на пьедестале в виде усеченной пирамиды высотой 6.4 м [23, с. 79; 4, с. 203].

По сравнению с предшествующими эпохами, когда больших каменных скульптур было немного, в эпоху Нового царства их количество необычайно возрастает.

просто закрашивали. О засолении грунтовых вод в Карнаке (см. ниже) египтяне эпохи Нового царства, конечно, не могли еще знать. Это стало известно тысячелетия спустя (см. § 6). Словом, для древних египтян важнее была красота камня. В связи с этим можно упомянуть IV и V пилоны в Большом храме Амона, которые тоже обшиты белым известняком, менее прочным, чем песчаник, из которого состояла их сердцевина [64, с. 63].

Основным строительным материалом служил известняк. В Египте его имелось два вида: белый и серо-желтый. Первый вид горной породы белого цвета был очень твердый. Его называют также кристаллическим известняком. Его месторождения известны главным образом в Туре (к югу от Каира) и на п-ве Синай. По качеству [48] серо-желтый известняк хуже. Он распространен в Египте повсеместно, так как известняковые горы тянутся от Каира до Эсне (несколько к северу от Асуана). В этих скалах, окаймляющих Нильскую долину, и шла непрерывная цепь карьеров, в которых добывали камень. Естественно, что чаще всего строили из того камня, который находился поблизости. Так было в Дер эль-Бахри и в городе Аменхотепа IV (царя-еретика Эхнатона) в Амарне, где все каменные здания, в том числе и храмы, были из серо-желтого камня, добытого в местных карьерах Среднего Египта [278, с. 6]. При Птолемеях большое значение приобрел карьер в Тухе (см. ниже).

Известняк в Тухе отличался светлой окраской [232, с. 353]. Во времена Нового царства, как, впрочем, и позднее, в строительстве нередко использовали камень при разборке более древних сооружений. В связи с этим интересно упомянуть об одной особенности известняка. Добытый из карьера, он легко подвергался обработке, на нем хорошо было вырезать рельефы. Но от длительного пребывания на воздухе и в сооружениях он изменялся, становился тверже и, что особенно важно, более хрупким. Такой, сказали бы мы, «старый» известняк, полученный от разборки зданий, можно было вновь использовать в кладке, но на нем уже нельзя было сделать рельефов. С этим должны были считаться, например, камнерезы птолемеевского времени, использовавшие камень храмов периода Нового царства [179, с. 17].

Почти все строения, окружавшие непосредственно храм Рамсеса III в Мединет Абу, сложены из «нового» известняка, доставлявшегося из каменоломен [178, с. 26]. Из известняка сложены стены и фундаменты большей части храмов времени Нового царства, а также сделаны дверные обрамления, алтари и т. п. [171, с. 60, 61].

С середины XVIII династии все большее значение в качестве строительного материала приобретает песчаник. Так, для оснований некоторых частей храма Хатшепсут в Дер эль-Бахри использован очень твердый песчаник, а для верха — белый кристаллический известняк [240, с. 7]. В храме Тутмоса III (находящемся там же) колонны и их основания сделаны из песчаника, а полы — из известняка [213а, с. 13]. Все ядро заупокойного храма Рамсеса II возведено из известняка, а облицовка — [49] из песчаника. То же можно сказать о многих пилонах. Лишь центральная часть комплекса в Мединет Абу построена целиком из песчаника [177, с. 4]. Из более поздних культовых сооружений из песчаника надо упомянуть храм Хатор в Дендере [219, с. 42]. Из песчаника делали дверные обрамления, балки-архитравы [76, с. IX], стелы и статуи.

Песчаник хорошего качества имелся в горах от Эсне до Асуана. Самые большие карьеры были сосредоточены в Сильсиле (в 50 км к северу от Асуана) [79, с. 511]. Добывался он также в западной части Нубийской пустыни, начиная примерно от места, где находился храм Абу Симбел, и в Асуане [161, с. 225, 232], а в течение первых четырех лет правления Рамсеса III — в Сильсиле [242, с. 1], откуда за 140 км камень доставляли в Мединет Абу [178, с. 30]. В последующие эпохи в строительстве широко использовали известняк и песчаник при разборке более древних сооружений [179, с. 75]. При этом, разбирая, например, храм Эйе-Хоремхеба, предпочтение отдавали небольшим камням, которые шли в кладку стен, а громоздкие блоки, такие как барабаны колонн, оставляли на месте.

Кварцит — одна из самых твердых каменных пород в Египте — является разновидностью песчаника и превосходит по твердости (по шкале Мооса) даже гранит. Первый слой кладки и фундамент небольшого храма Сети II (двор Большого храма) были

из кварцита. Стены помещений, построенных в храме Амона при Хатшепсут, выложены этим же камнем [265, с. 118]. Именно из названного материала были изваяны монолиты-колонны Мемнона. Иногда из этого камня делали и пирамидионы к обелискам [171, с. 64]. Кварцит добывали в Джебель эль-Ахмаре (около Гелиополя), в Гебелене [114, с. 23] и в карьерах западной части Асуана [161, с. 232–233].

Очень важное место при отделке и облицовке храмов времени Нового царства занимал гранит (розовый и серо-черный), так как прекрасно шлифовался и полировался до зеркального блеска. Все входы по главной оси храма Амона были из гранита. При Тутмосе III вышеупомянутые кварцитовые камеры Хатшепсут были перестроены, при этом использовали гранит. Иногда из него делали верхние части колонн, храмовые божницы, [50] обелиски, статуи, жертвенники и храмовую посуду [171, с. 61].

Известно несколько месторождений гранита в Египте. Однако в интересующее нас время он доставлялся почти исключительно из карьеров Асуана, у первых порогов Нила, где река пробивалась через гранитные отроги. В VII в. при Тахарке серый гранит добывали у третьих порогов [136, с. 63]. На Синае залегали гранит и базальт³¹, но из-за трудностей транспортировки их не использовали в строительстве. Гранит был обнаружен и в Вади-Хаммамат, но, поскольку там не нашли следов древних разработок, вопрос остается открытым [141, с. 134]. Из розового гранита, в частности, сделаны сфинксы, стоящие на Неве перед зданием Академии художеств (Ленинград).

Несколько особое место в египетской архитектуре занимает алебастр — красивый полупрозрачный отделочный камень. Во времена Аменхотепа I из него (см. § 1) в Карнаке был сооружен периптер [266, с. 58]. В прихрамовом дворце Рамсеса III основание трона с несколькими невысокими, но широкими ступенями представляло собой алебастровый блок [177, с. 50].

Широко использовали алебастр при строительстве Амарны. Из него охотно делали дверные обрамления. В одном храме нижние барабаны и капители колонн были из алебастра. Полы в храмах, как полагают, выстланы алебастровыми блоками [318, с. 80]. Это, вероятно, объясняется близостью города к каменоломням алебастра, добывавшегося главным образом в Среднем Египте. Однако в других местах Египта он в строительстве широкого применения не имел, но из него ваяли статуи, жертвенные плиты, стелы и храмовую утварь [171, с. 59].

³¹ Базальтовые карьеры находились недалеко от Каира и близ оазиса Файюм (у Меридова озера). Однако применение этого камня в строительстве было незначительным [114, с. 23: 21, с. 122–124], например, базальтовая ограда храма в Бубастисе (см. § 9). Точно датировать время возведения ограды невозможно, поскольку храм строился и перестраивался на протяжении почти трех тысяч лет.